

Сосед Шангуань Цинье по койке напротив исхудал настолько, что кожа обтягивала кости, а его черные глазницы выглядели пугающе.

Шангуань Цинье с явным отвращением натянул одеяло до самого подбородка, лежа на кровати. Ему было искренне жаль этих студентов, и в то же время его терзал вопрос: являются ли люди в этом подземелье лишь плодом воображения или же они существуют на самом деле?

Если всё это происходит по-настоящему, то чем тогда эти студенты отличаются от барашков в загоне?

Жизнь полна безысходности, вздохнул про себя молодой господин.

Белая лампа под потолком висела на тонком проводе, казалось, она вот-вот сорвется вниз.

Нань Юй лежал под одеялом на нижней койке, ожидая возвращения своего соседа по койке напротив.

Нань Юй начал тосковать по прежнему миру. Кто же не хочет стать сильнее? И что с того, если при этом пострадают другие? Стать могущественным демоном, лишенным морали и человечности, возвыситься над миром, смотреть на оковы мирской суеты, видеть в глазах людей ненависть и страх, наблюдать за бессильной яростью небесного закона — всё это казалось ему невероятно притягательным.

Быть выше всех, уступая лишь одному — разве это не истинное наслаждение?

Жаль, как же жаль.

Сигнал к отбою еще не прозвучал, а значит, спать было еще рано. В комнате не нашлось никаких полезных улик, кроме кроватей и людей. В наступившей тишине время словно застыло.

Раздался скрип.

Тяжелую железную дверь медленно приоткрыли.

Нань Юй мгновенно напрягся. В такое время войти мог либо смотритель общежития, либо сосед по койке. Он закрыл глаза и прислушался: послышался шорох разворачиваемого одеяла.

Хм? Не смотритель. Значит, точно сосед.

Нань Юй открыл глаза и увидел того самого юношу-альбиноса. Оказалось, это он и был его

соседом.

Юноша лежал с закрытыми глазами, не шевелясь, словно спящий принц. Нань Юй невольно задумался: где он был? Ходил умываться? Но здесь даже умывальника нет, какой смысл куда-то ходить?

Этот персонаж был единственным, с кем Нань Юй здесь общался, а значит, через него можно было попытаться выведать хоть что-то. Нань Юй повернулся к альбиносу, чувствуя любопытство и ожидание.

— Эй, приятель, как тебя зовут? — тихо спросил он.

Юноша медленно открыл глаза.

— Я... меня зовут...

Голос у него был неестественно хриплым, речь давалась с трудом, будто он не разговаривал с людьми долгие годы.

— Я... не помню.

— Вот как? Ну ладно, я Нань Юй.

Поняв, что этот персонаж способен поддерживать диалог, Нань Юй решил продолжить:

— Слушай, ты не знаешь, кто травил Ли Синьсинь?

При упоминании этого имени розово-голубые глаза юноши на мгновение замерли.

— Об этом нельзя говорить.

Нань Юй слегка нахмурился и спросил снова:

— А что насчет смотрительницы женского общежития?

Раз о Ли Синьсинь спрашивать нельзя, то, чтобы попасть в женское общежитие, всё равно придется иметь дело со смотрительницей.

— Красный... страшно.

Это было всё, что ответил альбинос. Как бы Нань Юй ни пытался расспрашивать дальше, юноша хранил молчание.

— Красный... страшно, — прошептал Нань Юй.

Смотрительница боится красного? Но если она его боится, почему сама носит красную одежду? Это не укладывалось в голове. Можно ли верить словам этого юноши? Нань Юй погрузился в раздумья. Если он сказал правду, то поведение смотрительницы выглядит крайне противоречивым.

— Студенты, время сна. Пожалуйста, не нарушайте правила.

Низкий, бархатный голос из динамиков медленно разлился по комнате.

Раздался щелчок, старая лампочка погасла, и комната мгновенно погрузилась в мертвую тишину.

В темноте были слышны только сердцебиения Шангуань Цинье и Нань Юя. Эти звуки казались оглушительными в звенящей тишине, будучи единственным признаком жизни в этом душном, гнетущем пространстве. Комната стала похожа на прямоугольный гроб, источающий удушливую атмосферу.

Обычно после выключения света глаза постепенно привыкают к темноте, и очертания предметов начинают проступать, но здесь мрак был густым, как чернила: хоть глаз выколи, он поглощал всё вокруг.

— Нань Юй, ты как? — еле слышно, как писк комара, прошептал в темноте Шангуань Цинье.

— Я в порядке. Будь осторожен со своим соседом, — ответил Нань Юй.

Он закрыл глаза и лежал неподвижно. Ночь была глубокой и безмолвной.

Внезапно навалилось нечто странное. Нань Юй почувствовал, как кто-то или что-то под кроватью скребет ногтями по доскам. Тихий звук отчетливо отдавался в тишине, вызывая мурашки по коже. В то же время от кровати потянуло ледяным холодом, который вскоре пробрал Нань Юя до костей.

Он почувствовал, как чьи-то волосы защекотали лицо. Это ощущение было не только у него — Шангуань Цинье тоже это чувствовал.

В этот момент на трансляции было видно лишь, как лица обоих парней дергаются от неприятного прикосновения невидимых черных волос, но самой фигуры видно не было.

Пощекотав их некоторое время, «нечто», видимо, разочарованное отсутствием страха, отступило. Однако скрежет под кроватью становился всё громче и быстрее — Нань Юй чувствовал, как нетерпеливо ведет себя сущность внизу.

От ледяного холода всё тело Нань Юя начало бить дрожь.

— Ты... ты меня не видишь?

В тишине комнаты раздался женский голос. Даже такой человек, как Нань Юй, ощутил сильный прилив адреналина. Голос звучал прямо над его головой, и он чувствовал ледяное дыхание, исходящее от женщины. Казалось, она прижалась лицом вплотную к его лицу.

Нань Юй не выказал страха, он оставался внешне спокойным, словно крепко спал.

Шангуань Цинье, который считал себя человеком с крепкой психикой, всё же вздрогнул. Его лицо побледнело и стало каменным, словно у покойника.

Женский голос прозвучал вновь — призрачный, доносящийся будто из другого мира, пропитанный могильным холодом:

— Ты правда меня не видишь?

Голос звучал как шепот прямо на ухо, полный печали. В то же время чьи-то руки коснулись лица Нань Юя. Они были ледяными, как куски льда, отчего по коже Нань Юя побежали мурашки.

Он крепко зажмурился, делая вид, что ничего не слышит, и сохранял невозмутимость.

Шангуань Цинье тоже почувствовал эти ледяные руки на своих щеках. Его сердце бешено колотилось, казалось, оно вот-вот выскочит из груди. Он зажмурился, а по лбу градом катился холодный пот, словно он оказался в ледяном склепе.

— Ты ведь видишь меня, правда? — продолжала спрашивать женщина, и в ее голосе слышалось ожидание.

<http://bllate.org/book/21794/2254705>